

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.10>

UDC 94(470.47)

LBC T3(2Рос.Калм)52

Submitted: 20.08.2017

Accepted: 20.09.2017

ON THE SPECIFICITY OF “OBLIGATORY RELATIONS” OF THE KALMYKS¹

Aleksandr N. Komandzhaev

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Natalya P. Matsakova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Evgeniy A. Komandzhaev

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to social interactions research, particularly to dependency relations in the Kalmyk society of the 17th–19th centuries in the context of a discussion about social structure of nomadic people. The scientific relevance of the research is due to the fact that these problems remain understudied and controversial. Nomadologists disagree on many issues of nomads’ social organization in general and individually that of the Kalmyks. There still remains some influence of former methods and social formation in the study of the Kalmyks’ social system. The analysis of law sources, especially the Mongol-Oirat laws of 1640, is particularly important. A given assessment of these laws served as the basis for ideas of many researchers. During the operational period of Ministerial committees, which were preparing the draft law on the abolition of dependency relations in the Kalmyk society, a consensus was formed: the essence of mandatory dependency of common Kalmyks is expressed as the right of Kalmyk upper classes to collect money from their dependent Kalmyks. As long as this law had the nature of a property, it could be concluded that its abolition needed to be rewarded. Obviously, the government understood and emphasized the difference between “mandatory relations” in the Kalmyk society from serfdom in the Russian countryside. Some researchers have turned their attention to the role of the Russian government in legal arrangements of Kalmyk privileged classes’ possessory interest, which in our opinion, resulted from its attempt to organize relations in the Kalmyk society by using “familiar” means and methods.

Key words: the Kalmyks, nomads, social relations, dependency, classes, serfdom, the Russian government.

Citation. Komandzhaev A.N., Matsakova N.P., Komandzhaev E.A. On the Specificity of “Obligatory Relations” of the Kalmyks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]*, 2017, vol. 22, no. 4, pp. 109-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.10>

УДК 94(470.47)

ББК Т3(2Рос.Калм)52

Дата поступления статьи: 20.08.2017

Дата принятия статьи: 20.09.2017

О СПЕЦИФИКЕ «ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» У КАЛМЫКОВ¹

Александр Нармаевич Команджаев

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Наталья Петровна Мацакова

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Евгений Александрович Команджаев

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

© Команджаев А.Н., Мацакова Н.П., Команджаев Е.А., 2017

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей отношений зависимости между сословиями калмыцкого общества в XVII–XIX вв. в контексте дискуссии о социальном строе кочевых народов. Научная актуальность исследования обусловлена тем, что данные проблемы остаются недостаточно изученными и дискуссионными. Номадологи расходятся во мнениях по многим вопросам социальной организации кочевников, в том числе калмыков. Основой для формирования позиций многих исследователей послужила различная оценка монголо-ойратских законов 1640 года.

В ходе работы министерских комиссий, которые занимались подготовкой проекта закона об отмене зависимых отношений в калмыцком обществе, было сформулировано упрощенное мнение о том, что содержание этих обязательных отношений между простолюдинами и калмыцкой знатью заключалось только в уплате денежной подати со стороны первых в пользу высших калмыцких сословий. Безусловно, этим правительством подчеркивалось определенное отличие «обязательных отношений» в калмыцком обществе от крепостного права в русской деревне. Некоторые исследователи обратили внимание на роль российского правительства в юридическом оформлении владельческих прав калмыцких привилегированных сословий, что, на наш взгляд, было результатом его попытки упорядочить взаимоотношения в калмыцком обществе, в том числе используя различные способы и механизмы.

Ключевые слова: калмыки, кочевники, общественные отношения, зависимость, сословия, крепостное право, российское правительство.

Цитирование. Команджаев А. Н., Мацакова Н. П., Команджаев Е. А. О специфике «обязательных отношений» у калмыков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 109–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.10>

В современных условиях все большее внимание ученых привлекает номадизм. Изучаются разные стороны кочевого хозяйства, проблемы социальной и политической организации кочевников [35–40]. Актуальность исследования общественного строя номадов обусловлена и происходящим в ряде мест, например, в Монголии процессом реномадизации – возрождения и распространения традиционных форм хозяйствования, образа жизни и быта населения.

Историографической базой для написания данной работы стали в основном труды отечественных ученых, опубликованные в виде научных отчетов, статей, монографий. При рассмотрении правовой основы развития отношений зависимости у калмыков использовался один из известных памятников монгольского права – «Их Цааз» («Ик Цааджи», Монголо-ойратское уложение 1640 г.), а также нормативно-правовые акты российского правительства.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма, системности, логического анализа и объективного подхода к изучаемым процессам. При анализе сущности обязательных отношений у калмыков активно применялись сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Помимо недостаточной исследованности данной проблемы следует отметить различия в подходах и оценках исследователей, характеризовавших общественный строй у кочевников, в том числе у калмыков. Авторы коллективной монографии «Социальная структура ранних кочевников Евразии» отмечали, что у номадов «неравенство, пусть даже в самой примитивной форме, существовало всегда», а «усложнение общества неизбежно приводит к введению организационной иерархии» [30, с. 47, 49].

Изучению этого вопроса посвящены труды ряда исследователей. Так, в своих исследованиях Г.Е. Марков признает незавершенность процесса классового образования [15, с. 304]. По мнению Л.П. Лашука, траектория развития номадизма инициируется от племени с общинно-родовым укладом и движется к обществу, имеющему феодальную структуру [13, с. 30]. Н.Н. Крадин предполагал, что для общественного уклада номадов характерен свой, особенный способ производства и индивидуальная траектория социального развития [11, с. 72]. А.М. Хазанов отмечал, что социальное неравенство у кочевников являлось результатом потребности «в особой политической власти с соответствующими специализированными функциями по руководству и управлению обществом». Отсюда он логично

полагал, что «внутренние процессы у кочевников, связанные с социальной дифференциацией, являются обратимыми и, главное, не слишком интенсивными. В определенных, достаточно редких случаях они способны вызвать к жизни стратифицированное общество, но никогда – государство» [33, с. 275]. Таким образом, исследователи имеют разные суждения по данной проблеме.

Из широкого круга работ, посвященных изучению вопросов истории, общественно-политического уклада, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры калмыков, следует обозначить работы исследователей XIX в., в большинстве своем не являвшихся профессиональными историками. Следует отметить труды Н.А. Нефедьева, Ф.А. Бюлера, П.И. Небольсина, К.И. Костенкова, И.А. Житецкого и Я.П. Дубровы и др. В работах данной группы исследователей наблюдается отсутствие единого взгляда по вопросу о своеобразии общественного устройства калмыков. Однако противоречивость их оценок и не всегда корректное применение понятий, характеризующих общественный строй, не умаляет научного значения их исследований.

В исследованиях советского периода по истории калмыцкого кочевого общества социальная структура калмыков XIX в. характеризовалась как феодальная. Первым исследователем, обосновавшим эту позицию, был Г.З. Минкин. Анализ общественных отношений у калмыков-кочевников посвящено большое количество трудов У.Э. Эрдниева, А.И. Наберухина, Л.С. Бурчиновой, А.Н. Команджаева, С.Б. Бадмаева и других ученых 70–80-х гг. XX века. В современных работах, например, А.Н. Команджаева, М.М. Батмаева и др., наблюдается отход от прежней теоретико-методологической базы и происходит попытка пересмотра прежних взглядов.

В отечественном востоковедении долгое время классической была монография Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», основанная на признании автором единых законов развития общества в разных социально-экономических и этнических средах. Долгое время его взгляды в изучении общественного строя кочевых государств преобладали в науке. И лишь во второй половине XX в. по-

являются новые подходы в осмыслении специфики социального устройства кочевников.

Н.Н. Крадин, один из ведущих современных кочевниковедов, проанализировав историографию проблемы, рассмотрел различия в подходах в советской, современной российской и зарубежной литературе, выделив в советском кочевниковедении основные точки зрения на характер социального строя кочевников (предклассовое состояние, раннегосударственная структура, разные варианты феодального строя, особый кочевник или экзополитарный способ производства). Особняком находились работы Л.Н. Гумилева, в которых кочевничество рассматривалось в рамках цивилизационной теории [12, с. 112–113].

Эта многополярность в интерпретации общественного строя кочевых обществ сохранилась в российской науке на современном этапе. Часть исследователей придерживается феодальной интерпретации кочевых обществ, другие авторы высказываются о догосударственном, предклассовом характере обществ кочевников-скотоводов, третьи утверждают о складывании ранней государственности у кочевников [12, с. 116–117].

Таким образом, в изучении социально-экономического и государственно-политического строя кочевых обществ нет однозначных результатов. Разброс мнений от родоплеменной организации до феодального строя, от раннеклассовых обществ до «кочевых империй» показывает, что рассматриваемые проблемы остаются дискуссионными.

Данное положение дел отразилось и в определении социального строя калмыков. Как уже отмечалось, большой вклад в изучение истории калмыцкого народа был сделан авторами XIX века. Так, Н.А. Нефедьев и Ф.А. Бюлер выделили в калмыцком обществе четыре сословия (нойоны, зайсанги, духовенство и простолюдины), и вкратце описали их положение, права и обязанности. Большинство исследователей этого столетия считали калмыцкое общество патриархально-родовым. К примеру, П.И. Небольсин отмечал: «Калмыки принесли нам из-за Алтая то же устройство, какое имели и все монголы. Устройство это было основано на началах патриархального родового их быта» [19, с. 7].

На стадии утверждения марксистской методологии авторы стали отвергать господ-

ство в калмыцком обществе патриархально-родовых отношений. Это, согласно мнению Г.З. Минкина, ставило под сомнение существование классов и классовой борьбы в Калмыкии до революции. Однако им признавалось наличие пережитков родовых отношений в хозяйственной деятельности, быту, обычаях, мировоззрении калмыков. Главная особенность феодализма в Калмыкии заключалась, на его взгляд, в том, что он уходил корнями в кочевое хозяйство. В структуре калмыцкого общества им были выделены два преобладавших класса – феодалов и крестьян. Последние находились в крепостной зависимости от феодалов, которая, по его мнению, существовала еще до прихода калмыков на Волгу [16, с. 7].

Эту гипотезу в своих работах развивает и один из известных калмыцких исследователей истории калмыков У.Э. Эрдниев. Характер общественных отношений в Калмыкии им признавался как феодальный. В то же время они были переплетены со следами патриархальных традиций и устоев, которые сохранились от более ранней стадии развития кочевого общества калмыков. К феодально-патриархальному типу общественных отношений он относил сословность, общинные формы землепользования, значительное влияние буддизма почти на все грани жизни калмыцкого этноса, приниженное положение женщин в калмыцком обществе и др. [34, с. 93]. Также исследователи советского периода отмечали развитие капиталистических отношений в Калмыкии, которые усилили расслоение калмыцкого общества и обострили социальные противоречия и конфликты в конце XIX – начале XX века.

Не последнюю роль в определении социального строя кочевников в целом, и калмыков в частности, играет анализ правовых источников. В исследовании поставленной нами проблемы одним из основных является известный памятник права XVII в. – «Ик Цааджи», который изучался и историками, и юристами. О его значении говорит тот факт, что он получил официальное признание российских властей. По заключению Н. Нефедьева, Россия после официального вступления калмыков в состав Российского государства и включения их в единую общероссийскую ад-

министративную систему сохранила неприкосновенность к правам калмыков, поскольку их обычаи и традиции были для нее новы и малоизвестны [20, с. 267]. Положения законов 1640 г. действовали в калмыцком обществе не только в XVII–XVIII вв., но и в первой половине XIX столетия.

Отечественные правоведы XIX в. (Ф.И. Леонтович, К.Ф. Голстунский, И.Я. Гурлянд) занимались в основном юридической характеристикой источника, но их оценка данных законов оказала существенное влияние на взгляды историков. «Ик Цааджи» признавался ими свидетельством первобытнообщинной номадной культуры. Общественный строй кочевников, по причине сохранения военно-дружинного принципа организации и общинной формы собственности на землю, характеризовался ими как «патриархально-родовой». Например, Ф.И. Леонтович отмечает, что содержание законов кочевого общества соответствует «основным началам, присущим патриархально-родовой жизни народов кочевого типа» [14, с. 27]. К его оценке были близки заключения Н.Н. Пальмова и В.А. Рязановского.

Советские историки считали «Ик Цааджи» выдающимся памятником кочевого феодального права и обращали особое внимание на его социально-экономическое содержание. В частности, академик Б.Я. Владимирцов считал, что монголо-ойратские законы «представляют степное феодальное право, получившее санкцию закона» [4, с. 22].

С этим мнением согласился исследователь «Великого уложения» С.Д. Дылыков, считавший, что «одна из главных целей съезда 1640 г. заключалась в укреплении феодального строя и власти князей над крепостными – аратами» [6, с. 4].

В своих исследованиях А.Н. Команджеев также предполагает, что в «Ик Цааджи» был легитимирован обязательный междусословный характер отношений, предполагавший зависимость простолюдинов от феодалов [8, с. 151]. Исследователь В.Т. Самохин относил монголо-ойратские законы 1640 г. к источникам «обязательственного права». Он предполагал, что данными законами признавалось право частной собственности, главным из объектов которой выступал скот [28, с. 286–

290]. Современные исследователи судопроизводства и права калмыков в XVIII–XIX вв. считают свод законов «продуктом и отражением политической, социальной и экономической жизни ойратских и халхаских народов в период развития феодализма» [29, с. 16].

Прежде чем приступить к рассмотрению особенностей общественных отношений у калмыков в XVIII–XIX вв., есть необходимость представить краткую характеристику структуры калмыцкого общества, состоявшей из сословий и сословных групп. Иерархичная структура сословий проявлялась в качественном неравенстве их положения, привилегий и обязанностей. Сословная структура калмыцкого общества четко делилась на господствующие (привилегированные) и зависимые (непривилегированные) в разных формах сословия и сословные группы. Первые получили статус представителей «цаган ясн» («белой кости»), вторые – «хар ясн» («черной кости»).

К привилегированному сословию причислялись нойоны, зайсанги и представители буддийского духовенства. Наивысшую ступень социальной иерархии калмыцкого общества занимали нойоны – владельцы улусов. Далее ниже в этой структуре располагались зайсанги – собственники аймаков, представлявшие довольно крупную сословную группу, в отличие от нойонов. Нойоны имели право получать с подвластных калмыков-простолюдинов албан – денежный сбор, часть его отдавалась и зайсангам. Нередко нойоны и зайсанги меняли размер собираемой подати, могли полностью освободить от нее подвластных людей и, более того, оплатить их задолженности по сборам в казну. Помимо этого, они в силу своего положения имели возможность захватывать лучшие пастбища для своего скота, а также сдавать земельные участки в аренду крестьянам-переселенцам [3, с. 106].

Привилегированным сословием являлось и буддистское духовенство, правовое положение которого законодательно закрепило «Великое уложение» [32, с. 1071]. Оно было освобождено от податей, военной службы и прочих повинностей. Верхние его слои по своему статусу стояли наравне с нойонами и зайсангами.

К простолюдинам в XVII–XVIII вв. относилось несколько сословных групп, среди

которых преобладавшими по численности являлись албату (выплачивавшие албан (подать) в денежной или натуральной форме своим владельцам) [1, с. 192–223]. Положение албату многие исследователи называли бесправным: они могли быть проданы, заложены, подарены, исполняли ряд повинностей и не имели права отлучаться из хотона и аймака без разрешения хозяина. В своей статье А.И. Карагодин, анализируя положение зависимых сословных групп, полагает, что у калмыков «албату – прежде всего выражение определенной степени подданства, подвластности конкретному лицу». «Нойоны называли своих людей албату... в то же время нойоны, обращаясь к российскому царю, также именовали себя албату». Поэтому, по его мнению, отличающемуся от общепринятого в калмыковедении, указанный термин не может служить для обозначения однородной группы, сословия [7, с. 64–65].

Мы присоединяемся к мнению М.М. Батмаева, который считает, что данное утверждение неверно. «Разница между албату, с одной стороны, и между цоохорами, китадами и мухула, с другой стороны, состояла в том, что последние находились в той или иной зависимости от частных лиц, в том числе и от представителей албату, а первые зависели только от нойона – владельца улуса. Зависимость эта, таким образом, ...была государственная зависимость» [1, с. 196, 209].

В литературе сложилось мнение о том, что албату не могли откочевать от своего собственника. «Уход рассматривался как бегство, и беглеца немедленно возвращали в распоряжение владельца» [21, с. 97]. Основанием стали статьи «Монголо-ойратских законов 1640 года» о перебежчиках. Например: «Человек, перешедший от другого владельца, возвращается в место своего (прежнего) жительства, как пришел...» [5, с. 36, 37, 45]. В целом следует отметить, что, несмотря на всю важность, данные законы не дают полного представления о сословной структуре монголо-ойратского общества того времени, поскольку нет четкого указания на разницу между категориями зависимого населения.

Анализ научной литературы, посвященной изучению характера междусословных отношений в калмыцком обществе, а также причин

эксплуатации низших сословий высшими, выявил неоднородность рассуждений и выводов. Одни исследователи, в том числе И.Я. Златкин, главную причину эксплуатации связывали с поземельной зависимостью рядовых кочевников. По мнению В.Т. Самохина, собственники располагали монопольным правом управлять и распоряжаться кочевьями, за использование которых взимали с простолюдинов феодальную ренту в форме разнообразных податей. Это ставило простолюдинов в еще большую личную зависимость от владельцев. Другая группа исследователей (более многочисленная), в том числе С.Е. Толыбеков, В.Ф. Шахматов, Н.Н. Крадин, причиной существования эксплуатационных взаимоотношений в кочевых обществах называли собственность на скот. Однако высказывалось и мнение, например, Г.Е. Марковым, о том, что «кочевничество не знало крепостного права» [15, с. 303].

Полагаем, что ближе к действительности мнение М.М. Батмаева о том, что основой эксплуатации непосредственных производителей в калмыцком обществе XVII–XVIII вв. являлась их личная зависимость от нойонов – владельцев улусов. Он считает, что нойоны эксплуатировали своих подвластных не столько благодаря монопольному праву владения пастбищными угодьями и скотом, сколько потому, что «они исходили из предпосылки принадлежности улусных людей их нойонскому роду на правах... частной собственности. ...Определяющее значение играло прямое внеэкономическое принуждение...» [1, с. 234].

После откочевки из России большей части калмыков в 1771 г. на оставшееся калмыцкое население постепенно стало распространяться российское законодательство, под влиянием которого происходило нивелирование различий между представителями зависимых сословных групп. В работах исследователей встречаются упоминания преимущественно о шабинерах, кеточинерах и албату, а также иногда о дарханах и эркетенях. Чаще всего все они объединялись одним словом «простолюдины». Уже в трудах ученых рассматриваемого периода стало господствовать мнение о делении калмыцкого общества на четыре сословия (нойоны, зайсанги, духовенство и простолюдины) [20, с. 92]. Эта же сослов-

ная структура была зафиксирована Положением об управлении калмыцким народом 1834 года. В советском калмыковедении по отношению к простолюдином зачастую использовался термин «крестьяне».

Наряду с отменой крепостного права в русской деревне в повестке дня стоял вопрос о ликвидации крепостнических отношений в национальных районах империи. Вопрос о трансформации быта и управления калмыков Астраханской губернии был поднят уже в 1860 г. во время подготовки крестьянской реформы. Однако первые шаги по изменению действовавшего законодательства о Калмыкии были сделаны уже после 1861 года. «Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа» было принято 16 марта 1892 года. В начале работы правительственных комиссий выявилась их полная неосведомленность в особенностях социального устройства калмыков, что побудило некоторых чиновников заняться изучением этого вопроса.

Среди них следует выделить труды К.И. Костенкова, руководителя Кумо-Маньчской экспедиции 1860–1861 гг., главного попечителя калмыцкого народа, принявшего деятельное участие в этой работе. Им был составлен детальный исторический очерк. В развитии правительственной политики по отношению к калмыкам он рассматривал два основных этапа. Для первого этапа (до 1771 г.) для управленческой структуры калмыков были характерными самовластие ханов и нойонов, а также отсутствие крупных административных органов. По этой причине правительству приходилось быть зависимыми в своей политике от нойонов. Второй этап, после 1771 г., оценивался им как время изменения политики правительства, приступившего к созданию административной системы управления и опеки над оставшимися калмыками [9, с. 42–43]. По мнению К.И. Костенкова, в «Правилах для управления калмыцким народом» 1825 г. нойоны названы владельцами без установления их отношений с простолюдинами, которые были квалифицированы как аймачные и собственные (принадлежавшие владельцам) калмыки. «Положениями об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг. нойоны были

названы «управителями подвластных им калмыков», наименование их «владельцами» потеряло значение. Для ограничения произвола «калмыцких владельческих классов» был установлен фиксированный размер албана – 28 руб. 59 коп. ассигнациями [9, с. 48].

Таким образом, главный попечитель фактически признал существование крепостного права в Калмыкии, происхождение которого объяснил как «незаконно» насажденное российским правительством явление. Он считал, что в «1771 г. правительство, предоставив нойонам управлять каждому своим улусом отдельно, начало вводить без всякого основания крепостное право у калмыков, тогда как при военно-кочевом быте этого народа нойоны или родоправители не имели права владеть землей, а тем менее людьми» [9, с. 43]. Он также пришел к выводу о том, что зайсанги ошибочно отнесены к привилегированному сословию.

В работах Л.С. Бурчиновой отмечалось, что заключения и выводы К.И. Костенкова о правовом положении калмыцкой национальной элиты брались во внимание в работе последовавших затем министерских Комиссий при разработке проектов об освобождении калмыков-простолюдинов от владельческой зависимости [2, с. 120]. В целом его материалы способствовали формированию «удобного» для правительства мнения на суть социальных взаимоотношений в калмыцком обществе и подхода к решению проблемы. Впоследствии в ходе работы всех Комиссий было сформулировано одно мнение, что сущность обязательной зависимости калмыцких простолюдинов во второй половине XIX в. проявляется, прежде всего, в праве высших калмыцких землевладельцев на денежные сборы от подчиненных им калмыков. Это право представителей высших сословий было признано наследственным и неотделимым. Отсюда – необходимость соответствующего вознаграждения собственников за отмену законного права на сбор и сложения с них полномочий по управлению улусами и аймаками. По мнению государственных чиновников, было очевидно, что значительная разница в правах калмыков-простолюдинов с другими сельскими жителями заключается только в существовании финансовых обязательств первого к нацио-

нальным владельческим классам и в дезорганизации калмыцкого непривилегированного населения в вопросах земельных отношений [17, с. 30–35].

И.М. Супоницкая в своих работах описывала, что «крепостное право в России возникло во время формирования централизованного государства и было частью процесса подчинения государству всех слоев населения» [31, с. 53]. В образе жизни, нравах, поведении калмыцкими собственниками было много заимствованно от русских помещиков, при этом они чувствовали «за собой силу... и поддержку правительства». Н.Н. Пальмов отмечал, что после 1771 г., «когда калмыки стали управляться чиновниками, ...особенно усиливается продажа владельцами калмыков, и здесь мы уже не видим никакой разницы между русскими помещиками и владельцами с одной стороны и русскими крестьянами и простолюдинами с другой стороны. Владельцы – те же помещики, простолюдины – те же их крепостные» [18, л. 5].

Когда речь идет о роли правительства в законодательном оформлении владельческих прав калмыцких привилегированных сословий, то имеются в виду, прежде всего, манифест 16 ноября 1737 г. и указы 12 мая 1744 г. и 27 июня 1785 года. Первый акт разрешал лицам всех сословий покупать калмыков, крестить их, держать у себя «без уплаты за них подушных денег» [24]. Второй указ разъяснял, что калмыков, которые приходят проситься на волю «без всякого письменного вида, следует за таковое своеволие наказывать батогами и отдавать помещикам и прочим, так как по указу 1737 г. повелено быть калмыкам, у кого они объявлены неотъемлемыми, почему они стали быть уже яко их крепостные» [23]. Третий пояснял, что нойоны имеют право продавать и дарить подвластных им калмыков [22]. При этом оставались некоторые неясности: на каких основаниях дворяне-помещики могли приобретать и владеть калмыками, переходят ли права на их владение по наследству и др.

С начала XIX в. обозначился правительственный курс на постепенное подчинение калмыков русской администрации, в том числе путем последовательного ограничения прав калмыцкой знати. Последовал ряд правитель-

ственных мероприятий, ограничивавших права приобретения и продажи калмыков, например, 8 октября 1825 г. было утверждено мнение Государственного Совета о запрещении приобретения калмыков «путем мены или купли» [25]. Это направление на унификацию системы управления инородцами, к которым были отнесены и калмыки, развивалось на протяжении практически всего столетия и продолжалось до 1917 года. На наш взгляд, юридическое закрепление личной зависимости податного калмыцкого населения произошло не столько «по умыслу» правительства, а скорее являлось результатом его попытки упорядочить взаимоотношения в калмыцком обществе, в том числе используя апробированные способы и механизмы.

Российское правительство на протяжении длительного периода способствовало юридическому оформлению обязательных отношений, а затем отменило их в 1892 году. Однако, по свидетельству современников, данные «отношения еще долго давали возможность калмыцкой знати сохранять свою силу и авторитет как в экономической сфере, так и в сознании простолюдинов» [8, с. 153].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-11-08001 «Опыт социально-экономических и административно-политических реформ в Калмыкии во второй половине XIX – начале XX века».

² А.Н. Команджаев и Н.П. Мацакова представили анализ историографии вопроса, дали характеристику общественных отношений у кочевых народов и определили роль реформы 1892 г. у калмыков. Е.А. Команджаев исследовал роль монголо-ойратских законов 1640 г. в становлении социальной структуры калмыцкого общества и определил влияние российского законодательства на сущность «обязательных отношений» у калмыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батмаев, М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. / М. М. Батмаев. – Элиста : Джангар, 2002. – 400 с.
2. Бурчинова, Л. С. К историографическому изучению истории подготовки и проведения буржуазных реформ в Калмыкии / Л. С. Бурчинова

// Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. – Элиста, 1988. – С. 112–122.

3. Бурчинова, Л. С. Повинности калмыцкого крестьянства в период утверждения капитализма в России (60-е и начало 90-х гг. XIX в.) / Л. С. Бурчинова // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. – Элиста, 1989. – С. 90–113.

4. Владимирцов, Б. Я. Общественный строй монголов / Б. Я. Владимирцов. – М. ; Л., 1934. – 224 с.

5. Голстунский, К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / К. Ф. Голстунский. – СПб., 1880. – 144 с.

6. Их Цааз. «Великое уложение». Памятник монгольского феодального права XVII в. / транслитерация сводного ойратского текста, реконструкция монгольского текста и его транслитерация, перевод, введение и комментарий С. Д. Дылыкова. – М., 1981. – 148 с.

7. Карагодин, А. И. Унаган боголы (об эволюции форм зависимости у монголызычных кочевников / А. И. Карагодин // Советская этнография. – 1987. – № 1. – С. 61–73.

8. Команджаев, А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX в.: исторический опыт и современность / А. Н. Команджаев. – Элиста : Джангар, 1999. – 262 с.

9. Костенков, К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии / К. И. Костенков. – СПб., 1870. – 171 с.

10. Крадин, Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Н. Н. Крадин. – Владивосток : Дальнаука, 1992. – 240 с.

11. Крадин, Н. Н. Кочевые общества в контексте стадийной эволюции / Н. Н. Крадин // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 62–72.

12. Крадин, Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе / Н. Н. Крадин // Философия и общество. – 2001. – № 2 (23). – С. 108–138.

13. Лашук, Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников / Л. П. Лашук // Советская этнография. – 1967. – № 4. – С. 25–40.

14. Леонтович, Ф. И. К истории права русских инородцев. Монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Цааджин Бичик / Ф. И. Леонтович. – Одесса, 1879. – 274 с.

15. Марков, Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации / Г. Е. Марков. – М., 1976. – 318 с.

16. Минкин, Г. З. Об общественном строе Калмыкии и колониальной политике царизма / Г. З. Минкин. – Элиста, 1968. – 58 с.

17. Научный архив КИГИ РАН. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 309. – 123 л.
18. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). – Ф. Р-145. – Оп. 1. – Д. 318. – 82 л.
19. Небольсин, П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса / П. И. Небольсин. – СПб., 1852. – 192 с.
20. Нефедьев, Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте / Н. Нефедьев. – СПб., 1834. – 287 с.
21. Очерки истории Калмыцкой АССР : в 2 т. Т. 1. Дооктябрьский период. – М., 1967. – 479 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗ-1). – Т. X. – № 3517.
23. ПСЗ-1. – Т. X. – № 7438.
24. ПСЗ-1. – Т. XII. – № 8941.
25. ПСЗ-II. – Т. XL. – № 30528.
26. Развитие социальных отношений в Калмыкии в XVIII – начале XX века / В. В. Батыров [и др.]. – Элиста : Джангар, 2015. – 168 с.
27. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. – М. : Юрид. лит., 1989. – 816 с.
28. Самохин, В. Т. Право калмыцкого феодального государства XVII–XVIII вв. / В. Т. Самохин // Научный архив КИГИ РАН. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 109. – Л. 286–290.
29. Сергеев, В. С. Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XIX вв. (историко-правовые очерки) / В. С. Сергеев, Б. В. Сергеев. – Элиста : Джангар, 1998. – 223 с.
30. Социальная структура ранних кочевников Евразии : монография / под ред. Н. Н. Крадина, А. А. Тишкина, А. В. Харинского. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005. – 230 с.
31. Супоницкая, И. М. Американский раб и русский крепостной: типология и специфика принудительного труда / И. М. Супоницкая // Вопросы истории. – 2000. – № 9. – С. 52–61.
32. Уланов, М. С. Буддизм и правовая традиция Монголии / М. С. Уланов, В. Н. Бадмаев, Н. П. Мацакова // Былые годы. – 2016. – Т. 42, вып. 4. – С. 1068–1076.
33. Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. – Изд. 3-е, доп. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.
34. Эрдниев, У. Э. Калмыки / У. Э. Эрдниев. – Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 1985. – 284 с.

REFERENCES

1. Batmaev M.M. *Sotsialno-politicheskii stroi i khozyaistvo kalmykov v XVII-XVIII vv.* [Sociopolitical structure and property of the Kalmyk people in the 17th–18th centuries]. Elista, Dzhangar Publ., 2002. 400 p.
2. Burchinova L.S. К историографическому изучению истории подготовки и проведения буржуазных реформ в Калмыкии [To the historiographic study of history of bourgeois reforms in Kalmykia]. *Kalmyk studies: historiography and bibliography issues*. Elista, 1988, pp. 112-122.
3. Burchinova L.S. Povinnosti kalmytskogo krestyanstva v period utverzhdeniya kapitalizma v Rossii (60-e i nachalo 90-kh gg. XIX) [Duties of Kalmyk peasantry during the establishment of capitalism in Russia (1860s – beginning of 1890s)]. *Socioeconomic and political peasantry situation till pre-October period*. Elista, 1989, pp. 90-113.
4. Vladimirtsov B.Ya. *Obshchestvennyi stroi mongolov* [Social system of the Mongols]. Moscow, Leningrad, 1934. 224 p.
5. Golstunskii K.F. *Mongolo-oiratskie zakony 1640 g. Dopolnitelnye ukazy Galdan-khuntaidzhiya i zakony, sostavlennye dlya volzhskikh kalmykov pri kalmytskom khane Donduk-Dashi* [The Mongol-Oirat laws of 1640. The Additional orders of Galdan Hongtaiji and laws made for the Volzhskiy Kalmyks during the reign of Donduk-Dashi Khan]. Saint Petersburg, 1880. 144 p.
6. Ikh Tsaaz. «Velikoe ulozhenie». *Pamyatnik mongolskogo feodalnogo prava XVII v. Transliteratsiya svodnogo oiratskogo teksta, rekonstruktsiya mongolskogo teksta i ego transliteratsiya, perevod, vvedenie i kommentarii S.D. Dylykova* [“The great code of laws”. The monument of Mongolian feudal law of the 17th century. Romanization of the Oirat unified text, reconstruction of Mongolian text and its Romanization, translation, introduction and comments]. Moscow, 1981. 148 p.
7. Karagodin A.I. Unagan bogoly (ob evolyutsii form zavisimosti u mongoloyazychnykh kochevnikov [Unagan bogoly (about the evolution of dependency forms of Mongol speaking nomads)]. *Soviet ethnography*, 1987, no. 1, pp. 61-73.
8. Komandzhaev A.N. *Khozyaistvo i sotsialnye otnosheniya v Kalmykii v kontse XIX – nachale XX veka: istoricheskii opyt i sovremennost* [Property and social relations in Kalmykia in the late 19th – in the beginning 20th centuries: historical experience and the present]. Elista, Dzhangar Publ., 1999. 262 p.
9. Kostenkov K.I. *Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoi gubernii* [Historical and statistic data on the Kalmyks, nomadising in the Astrakhan guberniya]. Saint Petersburg, 1870. 171 p.
10. Kradin N.N. *Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoi kharakteristiki)* [Nomadic societies (formational characteristic issues)] Vladivostok, Dalnauka Publ., 1992. 240 p.
11. Kradin N.N. Kochevye obshchestva v kontekste stadialnoi evolyutsii [Nomadic societies in

the context of stadial evolution]. *Ethnographic survey*, 1994, no. 1, pp. 62-72.

12. Kradin N.N. Kochevniki v mirovom istoricheskom protsesse [Nomads in the world historical process]. *Philosophy and society*, 2001, no. 2 (23), pp. 108-138.

13. Lashuk L.P. Istoricheskaya struktura sotsialnykh organizmov srednevekovykh kochevnikov [Historical structure of social organisms of medieval nomads]. *Soviet ethnography*, 1967, no. 4, pp. 25-40.

14. Leontovich F.I. *K istorii prava russkikh inorodtsev. Mongolo-kalmytskii ili oiratskii ustav vzyyskaniy. Tsaadzhin Bichik* [To the law history of Russian foreigners. The Mongol-Kalmyk or the Oirat order of penalties. "Tsaadzhin Bichik"]. Odessa, 1879. 274 p.

15. Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura khozyaistva i obshchestvennoi organizatsii* [Asian nomads. Property and community organization system]. Moscow, 1976. 318 p.

16. Minkin G.Z. *Ob obshchestvennom stroe Kalmykii i kolonialnoi politike tsarizma* [About social system of Kalmykia and colonial policy of tsarism]. Elista, 1968. 58 p.

17. *Nauchnyi arkhiv KIGI RAN* [The research archive of KIGI RAN]. F. 4, Op. 2, D. 309. 123 p.

18. *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kalmykiya (NARK)* [National Archive of Kalmyk Republic]. F. R-145, Op. 1, D. 318, pp. 4, 4 ob., 5; d. 334. 82 p.

19. Nebolsin P.I. *Ocherki byta kalmykov Khoshoutovskogo ulusa* [Household features of Kalmyk people from Khoshoutovskiy ulus]. Saint Petersburg, 1852. 192 p.

20. Nefediev N. *Podrobnye svedeniya o volzhskikh kalmykakh, sobrannyye na meste* [Comprehensive data on the Volzhskiy Kalmyks]. Saint Petersburg, 1834. 287 p.

21. *Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR: v 2 t. T. 1. Dooktyabrskii period* [History features of Kalmyk ASSR in 2 volumes. Vol. 1. The pre-October period]. Moscow, 1967. 479 p.

22. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie I* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1]. vol. X, no. 3517.

23. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie I* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1]. vol. X, no. 7438.

24. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie I* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1]. vol. XII, no. 8941.

25. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1]. vol. XL, no. 30528.

26. Batyrov V.V., et al. *Razvitie sotsialnykh otnoshenii v Kalmykii v XVIII – nachale XX veka* [Development of social relations in Kalmykia in the 18th – beginning of the 20th centuries]. Elista, Dzhangar Publ., 2015. 168 p.

27. *Rossiiskoe zakonodatelstvo X-XX vekov. V devyati tomakh. T. 7. Dokumenty krestyanskoj reformy* [Russian Legislation of the 10th–20th cc. In 9 vols. Vol. 7. Documents of peasant reform]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1989. 816 p.

28. Samokhin V.T. Pravo kalmytskogo feodalnogo gosudarstva XVII-XVIII vv. [The law of Kalmyk feudal state of the 17th–18th cc.]. *Nauchnyi arkhiv KIGI RAN* [The Research archive of KIGI RAN]. F. 4, Op. 2, D. 109, pp. 286-290.

29. Sergeev V.S., Sergeev B.V. *Ugolovnoe i grazhdanskoe pravo kalmykov XVII-XIX vekov (istoriko-pravovye ocherki)* [Criminal and civil law of the Kalmyks in the 17th–19th cc.]. Elista, Dzhangar Publ., 1998. 223 p.

30. Kradin N.N., Tishkin A.A., Kharinskiy A.V. (eds). *Sotsialnaya struktura rannikh kochevnikov Evrazii: monografiya* [Social system of the early nomads of Eurasia: monography]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. gos. tekhn. un-ta, 2005. 230 p.

31. Suponitskaya I.M. Amerikanskii rab i russkii krepостnoi: tipologiya i spetsifika prinuditelnogo truda [American slave and Russian bond: typology and specificity of forced labour]. *History issues*, 2000, no. 9, pp. 52-61.

32. Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P. Buddizm i pravovaya traditsiya Mongolii [Buddhism and legal tradition of Mongolia]. *Bylye gody*, 2016, vol. 42, iss. 4, pp. 1068-1076.

33. Khazanov A.M. *Kochevniki i vneshnii mir* [Nomads and the outside world]. Almaty, Daik-Press, 2002. 604 p.

34. Erdniev U.E. *Kalmyki* [The Kalmyks]. Elista, Kalmyts. kn. izd-vo, 1985. 284 p.

Information about the Authors

Aleksandr N. Komandzhaev, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of History of Russia, Records Management and Archival Studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkina St., 11, 358000 Elista, Russian Federation, ak.narma@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7064-7315>

Natalya P. Matsakova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia, Records Management and Archival Studies, Kalmyk State University named after V.B. Gorodovikov, Pushkina St., 11, 358000 Elista, Russian Federation, matsakova_np@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8586-1632>

Evgeniy A. Komandzhaev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Kalmyk State University named after V.B. Gorodovikov, Pushkina St., 11, 358000 Elista, Russian Federation, komandzhaev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4542-8786>

Информация об авторах

Александр Нармаевич Команджаев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, документоведения и архивоведения, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, ak.narma@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7064-7315>

Наталья Петровна Мацакова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, документоведения и архивоведения, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, matsakova_np@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8586-1632>

Евгений Александрович Команджаев, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, komandzhaev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4542-8786>